

Унифицируются ли числовые подпарадигмы ударения русских существительных на -á?

С героем этого юбилейного сборника, профессором Дюровичем, я познакомился благодаря русскому ударению, конкретнее говоря, благодаря переписке, связанной с публикацией статьи (Мустайоки 1981) в *Russian Linguistics*.¹ Темой настоящей статьи также является русская акцентология, а именно судьба подвижного ударения у существительных на -á.

1. Постановка вопроса. По мнению многих исследователей в развитии системы ударения русских существительных отмечается три тенденции: 1) противопоставление форм ед. числа формам мн. числа; 2) различение форм именительного и косвенных падежей; 3) унифицирование форм внутри подпарадигм ед. и мн. чисел (см. Nicholson 1968, 130-131; Хазагеров 1973, 98-106; Воронцова 1979, 15-20; Невекловски 1982, 67-70; и др.). При рассмотрении слов на -á судьба подпарадигмы ед. числа кажется на основе сказанного ясной: противопоставление им. падежа всем косвенным вообще невозможно, а сдвиг ударения в вин. падеже на основу (река́ : реку́ : рекóй) не поддержан ни одной из отмеченных тенденций.² О сглаживании акцентуации падежных форм ед. числа у слов на -á пишут многие акцентологи (см., например: Хазагеров 1973, 105; Comrie & Stone 1978, 58-61; Горбачевич 1978, 89-92; Воронцова 1979, 30).

Ситуация во мн. числе более сложная. Противопоставление формы им. падежа формам ед. числа (река́ : ре́ки) соответствует первому принципу. Однако для ударения косвенных падежей есть две возможности. Первый и третий принципы говорят в пользу подпарадигмы с неподвижным ударением (ре́ки, ре́кам), а второй принцип - в пользу сдвига ударения (ре́ки, рекáм).³ Ученые, изучившие тенденции развития русского ударения, утверждают, что победителем в ситуации конкуренции, как правило, становится унифицирующий принцип (Хазагеров 1973, 105; ср. Hingley 1952, Воронцова 1979, 42-59).

Таким образом, у слов на -á продуктивной можно считать акцентную кривую, где ударение падает в формах ед. числа на окончание, а в формах мн. числа на основу. Именно такую интерпретацию фактов можно найти, в частности, у Л. Дюровича в учебнике "Paradigmatika srpsovneje guštiny" (Đurovič 1970, 123-129): продуктивным он считает только тип травá (траву́ : тра́вы, тра́вам), а типы кишкá (кишкú : кишкí, кишкáм), землá (зёмлю : зёмли, зёмлям), свечá (свечу́ : свечи, свечáм) и рукá (ру́ку : ру́ки, рукáм) непродуктивными. "Продуктивность", очевидно, означает, что данный тип ударения является перспективным, т.е. число слов, принадлежащих к нему, увеличивается.

К выводу о распространении унифицирующей тенденции акцентуации внутри подпарадигм числа ученые приходят не без доказательств. Например, В.Л. Воронцова (1979, 37-42) констатирует, что в грамматиках прошлого века и начала нашего века, в отличие от современного состояния русского языка, приводятся, в частности, такие акцентовки, как óвцу, óсу, свíнью и грозáм, пчелáм, иглáм (ср. Kiparaku 1962, 188-232).

Цель настоящей статьи состоит в выяснении современного развития ударения у слов на -á. Иначе говоря, мы хотели бы ответить на вопросы следующего типа: Отражается ли в нем по-прежнему влияние упомянутых тенденций? Можно ли найти какие-либо объяснения тому, почему акцентуационные изменения касаются не всех слов?⁴

2. Типы ударения. В дальнейшем будет использована следующая система нотации парадигм и подпарадигм ударения (ср. Мустайоки 1980б, 152-182). Полная парадигма (и тип) ударения состоит из двух частей, форм ед. числа и форм мн. числа. Каждая из двух подпарадигм обозначается буквенным символом, а именно:

- A** - неподвижное ударение на основе
- B** - неподвижное ударение на окончании
- X** - подвижное ударение: ударение на основе в им. падеже, на окончании в других падежах
- X_a** - подвижное ударение: ударение на окончании во всех падежах, кроме винительного.

Следовательно, упомянутые выше типы ударения можно обозначить следующим образом: *кишка* - ВВ, *трава* - ВА, *земля* - X_aA , *свеча* - ВХ, *рука* - X_aX .

В русской акцентологической литературе для типов ударения употребляется целый ряд обозначений. Читателю может быть полезно иметь перед глазами важнейшие соответствия упомянутой нотации (Зализняк 1967, 1977; Редькин 1971 и АГ 1980; Федянина 1977):⁵

мой символ	Зализняк	Редькин и АГ	Федянина
ВВ =	b =	B =	ВВ
ВА =	d =	D =	ВА
X_aA =	d' =	D_1 =	СА
ВХ =	f =	B_1 =	ВС
X_aX =	f' =	B_2 =	СС

3. Материал и метод. Для анализа были отобраны из "Грамматического словаря" А.А. Зализняка (1977) все слова на -á, входящие в типы ударения ВА, ВХ, X_aA и X_aX - за исключением слов, имеющих только потенциальные формы мн. числа (тип ударения обозначен в словаре со знаком -) или употребляемых во мн. числе только sporadически (например, *ветчина*, *тошнота*). Таким образом был создан список, состоящий из 148 слов.⁶

Далее, были изучены словоизменительные сведения, даваемые относительно этих 148 слов в следующих словарях (подробные библиографические данные см. в конце статьи): Словарь Ушакова 1935-1940 (далее: Уш. 1935), Большой академический словарь в 17-х томах 1950-1965 (БАС 1950), Малый академический словарь в 4-х томах 1957-1961 (МАС 1957; 2-е изд.: МАС 1981), Словарь Ожегова (Ож. 1953; 11-е изд.: Ож. 1977)⁷, "Русское литературное произношение и ударение" Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова (Орф. 1959), Орфоэпический словарь (Орф. 1983)⁸, Словарь-справочник "Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка" (Гор. 1974), Грамматический словарь (Зал. 1977), Словарь ударений (2-е изд. СлУ 1967; 5-е изд.: СлУ 1984), Словарь трудностей русского языка (Р-Т. 1976).⁹

Кроме того, как дополнительный доказательный материал будут приведены результаты опроса, проведенного Институтом русского языка АН СССР в 1964-1965 г. (Воронцова 1979, 259-285).

4. Анализ материала. Ниже будет рассмотрено сначала развитие форм ед. числа, а потом форм мн. числа. Отдельно будет проанализирована судьба слов-омонимов.

Годы появления на свет словарей рассматриваются как точки на временной оси современного русского языка. Такое истолкование следует считать условным по двум причинам. Во-первых, год издания не всегда точно отражает годы составления словаря и, во-вторых, разные назначения словарей и справочников, а также разные представления их составителей о норме современного русского литературного языка непременно сказываются в подаче акцентологических сведений.¹⁰ Тем не менее, поступая так, можно получить хотя бы приблизительную картину временного фактора. Отдельно будут исследованы изменения в разных изданиях одного и того же словаря, а также употребление помет "устаревающее" и "устарелое".

4.1. Ед. число

Расхождение в формах ед. числа было отмечено у 19 слов на -á. В таблице 1 приводятся доли подпарадигмы В в разных словарях. Вариативное ударение (Ха/В или В/Ха) рассматривается как парадигмы Х_а и В. Варианты, приведенные в скобках или снабженные пометой "доп.", подсчитаны как "полслучая".

Таблица 1. Доля слов с подпарадигмой В в ед. числе.

Уш. БАС Ож. МАСОрф. СлУ Гор. Р-Т. Ож. Зал. МАСОрф. СлУ
 1935 1950 1953 1957 1959 1967 1974 1976 1977 1977 1981 1983 1984

52 50 65 54 57 72 65 54 67 65 52 62 63

Цифры дают не очень ясную картину. В самых старых словарях, правда, доля слов с подпарадигмой В меньше, чем в более поздних - как можно было ожидать. Но с другой стороны, цифры не позволяют

видеть какого-либо систематического, прямолинейного развития акцентуации.

Анализ разных изданий одного и того же словаря подтверждает общее представление. В изданиях словаря Ожегова обнаружилось пять изменений, но они действуют в разные стороны: нора $X_a/V \rightarrow V$, полоса $X_a \rightarrow V/(X_a)$, строка $X_a/V \rightarrow V/(X_a)$, доска $X_a/V \rightarrow X_a$, щека $V \rightarrow X_a$. В новом издании МАС появилась "старая" акцентуация: сковорода $V \rightarrow V/X_a$. В обе стороны произошли изменения в СлУ: изба $V/(X_a) \rightarrow V$, река и борозда $V \rightarrow X_a$.

Таблица 2. Доля ударения на флексии у людей разных социальных групп (Воронцова 1979, 264-269).

	борозду́	доску́	реку́
год рождения			
до 1909	46,2	13,8	36,0
1910-1919	34,4	10,0	29,0
1920-1929	35,5	12,5	33,0
1930-1939	40,5	14,7	38,5
1940-1949	45,5	14,5	37,0
образование			
высшее	44,8	13,3	33,6
среднее	40,7	14,4	38,7

И эти цифры отличаются неопределенностью. Если бы подпарадигма V являлась прогрессивной, можно было бы ожидать, что она была бы особенно предпочтительна среди молодых информантов. Однако результаты опроса не подтвердили этого. Явной социальной привязанности здесь тоже нет: влияние степени образования (таблица 2) или профессии испытуемых (Воронцова 1979, 272) на их мнение о месте ударения не слишком значительно.

Хотя приведенные выше цифры не говорят, по крайней мере, однозначно о прогрессивном характере подпарадигмы V , но на такой статус намекают пометы "устарелое" и "устаревающее" при подпарадигме X_a . Таких помет в словарях семь при подпарадигме X_a , и ни одной - при подпарадигме V .

Как мы видели, процесс унификации форм ед. числа у слов на -а происходит не прямолинейно. Несмотря на это, сопоставление акцентировки у представителей "старой нормы" (Уш. 1935 и БАС 1950) с тем, что представлено в словарях "новой нормы" (Гор. 1974, Зал. 1977, Орф. 1983), позволяет нам составить три категории слов: I - слова, практически уже перешедшие в тип В, II - слова с вариативным ударением и III - слова, сохранившие (пока) подпарадигму X_a . Для дальнейшего анализа перечислим слова, входящие в эти категории.

I ($X_a \rightarrow$ В) *блесна, верста, весна, нора, роса, сковорода, слобода, соха, строка*

II ($X_a \rightarrow X_a/V$) *борозда, борона, доска, изба, полоса, река, щека*

III (X_a) *борода, вода, голова, гора, droga, душа, земля, зима, нога, юра, рука, середка, спина, стена, строка, цена*

Рассмотрим, отличаются ли категории слов друг от друга по семантике, по частоте употребления слов или по фонетическому составу основ. Г. Невекловски (Newekłowsky 1980, 269-270) предлагает конкретность слова как один из факторов, вызывающих предпочтительность подпарадигмы В.¹¹ Данные словарей не дают повода для такого истолкования: в группах I и II не меньше конкретных слов, чем в группе III. Обращает на себя внимание многочисленность названий тела среди слов с подпарадигмой X_a . Однако и этот семантический критерий не кажется важным, поскольку многие слова с этой семантикой перешли в подпарадигму В уже раньше (*губа, десна, железа, ноздря* и др.).¹²

Частотность употребления слова отмечается А.А. Зализняком (1977) как один из факторов, вызывающих "нетривиальное" (подвижное) ударение. Эта корреляция доказана и статистически (Mustajoki 1981). Сравнение слов, принадлежащих к упомянутым трем категориям, подтверждает наличие такой тенденции: из слов группы I 20% входят согласно Шт. 1963 в число самых употребительных существительных, из группы II - 30%, а из группы III - 70%.¹³ Наряду со сказанным, важно подчеркнуть и другое обстоятельство. Дело в том, что определенную и очевидно немалую роль играет здесь не частотность употребления данной лексемы в целом, а встречаемость именно интере-

сующей нас словоформы. Хотя данные Шт. 1963 неполны (часть слов отсутствует и употребление падежей ед. и мн. чисел характеризуется одной цифрой), есть основания сделать вывод, что слова с подпарадигмой X_a употребляются чаще обычного как раз в вин. падеже ед. числа (доля этого падежа у этих слов 32,2%, ср. 21,8% у всех слов).

Что касается возможных фонетических причин, то обращает на себя внимание отсутствие среди слов с X_a основ, оканчивающихся на два согласных (только слово *земля*), в то время как таких корней больше у слов, переходящих или перешедших в подпарадигму В. Интересной деталью, которая может иметь и содержательную интерпретацию, является тот факт, что среди слов, покидающих или покинувших подпарадигму X_a , четыре таких, у которых происходит изменение $e \rightarrow \bar{e}$, а среди сохранившихся таких вообще нет.

Интересную пару представляют слова *весна* и *зима*: первое лишилось сдвига ударения в ед. числе, второе - нет. Семантически слова явно входят в одну и ту же группу; в частоте их употребления мало различий - выходит, что объяснение разных судеб в их акцентуации надо искать в фонетическом строе слова.

Среди слов с подпарадигмой X_a обращает на себя внимание слово *дрога*: оно весьма редкое (особенно в ед. числе) и связано с несовременной культурой. Возможно, сдвиг ударения в нем сохраняется благодаря влиянию внешнего сходства со словом *нога*.

4.2. Мн. число

Судьба акцентировки форм им. падежа мн. числа ясна. Тенденция к различению форм ед. и мн. чисел, и особенно форм род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа (ср. Worth 1968), означает, что у слов на *-á* отмечается склонность к наосновному ударению в им. падеже мн. числа (подпарадигмы А и Х) (ср. Воронцова 1988, 29). Правда, слов, у которых в недавнее время произошел переход от типа ВВ к типу ВА или ВХ, немного (очевидно, тропа можно считать таким словом, а скамья является кандидатом в такие)¹⁴, но, с другой стороны, видимо, нет ни одного случая, где старое наосновное ударение в им. падеже мн. числа было бы заменено конечным ударением.

Как было сказано выше, ситуация в косвенных падежах сложнее. Существуют противостоящие друг другу тенденции; прогрессивным, однако, считают унифицирующий принцип, т.е. предпочтение подпарадигмы А подпарадигме Х. Начнем опять с рассмотрения сводной таблицы, показывающей доли подпарадигм А у 29 слов с вариативным ударением во мн. числе. Подсчет проведен так же, как и в таблице 1.

Таблица 3. Доля слов с подпарадигмой А во мн. числе.

Уш.		БАС Ож.		МАС Орф.		СлУ Гор.		Р-Т. Ож.		Зал.		МАС Орф.		СлУ	
1935	1950	1953	1957	1959	1967	1974	1976	1977	1977	1981	1983	1984			
40	60	49	47	47	48	54	47	48	62	48	62	46			

Необходима оговорка по поводу БАС 1950: к приведенной цифре следует относиться с определенным скептицизмом, поскольку часть неожиданных для того времени подпарадигм А (у слов *блоха*, *железа*, *серьга*, *щепа*) может быть чистым ляпусом, т.е. нечаянно опущены указания о сдвигах ударения в косвенных падежах мн. числа.

Остальные словари можно разделить на три группы: 1) представители старой нормы (Уш. 1935); 2) предвестники новой нормы (Гор. 1974, Зал. 1977, Орф. 1983); 3) словари, в которых отмечается средняя позиция по отношению к новой акцентуации (остальные словари независимо от года или издания). О неизменной позиции в словарях третьей группы говорит и более детальное сравнение изданий одного и того же словаря. В словаре Ожегова произошли следующие изменения: Х → А/Х *копна*, А/Х → А *свинья*, *соха*, *струна*, *судьба*, А/Х → Х/(А) *волна*, *река*, А → Х *кошма*, *строфа*. В МАС отмечалось только одно изменение: Х → А/Х *копна*. В СлУ - четыре изменения: Х → А *река*, А/Х → А *вода*, А → Х *железа*, *софа*.

Помета "устар" встречалась 15 раз; из них 13 раз при подпарадигме Х. Любопытная интерпретация дается для слова *стена*: согласно Зал. 1977 подпарадигма Х является "устаревающей", а в Р-Т. 1976 такой считается подпарадигма А.

Таблица 4. Доля основного ударения во мн. числе у людей разных социальных групп (Воронцова 1979, 264-269).

	<i>в во́лнах</i>	<i>в ре́ках</i>
год рождения		
до 1909	10,0	58,0
1910-1919	12,8	72,0
1920-1929	11,2	77,0
1930-1939	16,6	83,0
1940-1949	13,7	85,5
образование		
высшее	13,2	81,0
среднее	14,9	62,1

Возраст информантов влияет здесь более явно на предпочтительность прогрессивной акцентуации, чем в ед. числе. Особенно ярко это наблюдается у слова *река*. Профессия (Воронцова 1979, 272) и образование оказывают влияние только на акцентовку этого слова.

Выделим опять три категории слов в зависимости от того, как их акцентуация представлена в разных словарях (особенно в Уш. 1935, с одной стороны, и в Гор. 1974, Зал. 1977, Орф 1983, с другой): I - слова практически уже перешедшие в тип А, II - слова с вариативным ударением и III - слова, сохранившие (пока) подпарадигму X.

I (X → A) *верста, вода, droga, душа, зима, свинья, сосна, соха, струна, судьба, толпа*

II (X → X/B) *блоха, волна, доска, железа, копна, кошма, просвира, река, серьга, скоба, софа, стена, строка, строфа, судья*

III (X) *борода, борозда, борона, голова, гора, губа, нога, ноздря, полоса, пора, рука, сковорода, слеза, сторона, щека.*

Посмотрим, различаются ли категории слов по каким-либо критериям. Начнем с семантики. Все слова третьей группы отличаются конкретностью. Однако многие слова второй и первой групп не менее конкрет-

ны, правда - не все. Во всяком случае, кажется, что семантика - это не основное различие между данными категориями.

Частотность употребления слова - второй кандидат в действующие факторы. Из слов группы I 42% входят согласно Шт. 1963 в число самых употребительных существительных, из группы II - 31%, а из группы III - 67%. Однако и в этом случае частотность данных словоформ, т.е. форм дат., твор. и предл. падежей мн. числа важнее частотности лексемы в целом. Опять-таки нельзя абсолютизировать сведения об употреблении рассматриваемых слов в этих падежах, но косвенные данные довольно убедительны: доля словоупотреблений мн. числа слов третьей группы, упомянутых в Шт. 1963, - 50,4%, соответствующая цифра у слов второй группы - 44,0%, а у слов первой группы - лишь 10,0%. Далее, небезынтересны и следующие данные: среди "старых" слов с подпарадигмой А есть три таких, которые употребляются - согласно Шт. 1963 - во мн. числе чаще, чем в ед. числе; однако они (*звезда, игра, труба*) употребляются в "решающих" трех падежах реже (14,9-16,0%) среднего употребления этих падежных форм (23,9%).

При рассмотрении возможных фонетических причин легко сделать наблюдение о большом количестве слов с двух- и трехсложной основой в группе III (их всего 7, а в группе I нет ни одного). Любопытно и то, что среди них ряд весьма редких слов, к тому же и слов, редко употребляющихся во мн. числе (например, *борозда, борона, сковорода*), в то время как все слова с односложной основой (*гора, губа, нога, пора, рука, щека*, кроме слова *ноздря*), входят в разряд самых употребительных слов и, кроме того, - согласно Шт. 1963 - употребляются во мн. числе чаще, чем в ед. числе. Следовательно, есть основания сделать весьма конкретный вывод: подпарадигму X сохраняют 1) односложные слова с высокой частотой употребления во мн. числе, особенно в дат., твор. и предл. падежах и 2) слова с двух- и трехсложной основой независимо от частоты употребления.

4.3 Слова-омонимы

Рассмотрение слов-омонимов позволяет предложить ответ на вопрос, используется ли различие в типе ударения для того, чтобы различать омонимичные слова. Материал для такого обсуждения представляют вокабулы *гряда, коса и среда*.

Все "старые" словари (в том числе и Ож. 1977 и МАС 1981) не различают у гряды значения "в огороде" и "цепь", а дают для обоих тип ударения ВХ (БАС 1950 - ВХ/ВА). В Зал. 1977, Орф. 1983 и СлУ 1984 предлагается тип ВА для первого значения, а ВВ (СлУ - ВХ) - для второго.

Вокабула коса имеет три значения: 1) "заплетенные волосы", 2) "орудие", 3) "отмель". В Уш. 1935 и БАС 1950 у всех трех значений одна и та же акцентовка (X_aA). Во всех остальных словарях, кроме Гор. 1974, тип ударения один в первом значении, а другой во втором и третьем. Если не даются варианты (например, СлУ), распределение следующее: 1) X_aA , 2) и 3) ВА. Если же вариативность акцентуации допускается, эти же типы ударения являются вариантами друг другу. В Гор. 1974 тонко различаются все значения в ед. числе: 1) X_a , "разг." В, 2) В, реже X_a , 3) X_a/V . Во мн. числе для всех значений без исключения предлагается подпарадигма А.

Что касается вокабулы среда, то во всех словарях, кроме Уш. 1935, для значения "обстановка" дается тип ударения ВА (в Уш. 1935 - ВХ). Для значения "день недели" старая норма была тип X_aX , однако в Ож. 1977, Зал. 1977 и Орф. 1983 дается, кроме него, и тип X_aA . В таком случае подпарадигмы мн. числа первого и второго значений совпадают.

На основе представленного маленького материала можно, пожалуй, сделать осторожный вывод: отмечается легкая тенденция для дифференциации ударения в разных значениях, однако одновременно действуют и общие акцентологические тенденции.

5. Выводы. Анализ словарного материала показал, что унификация ударения внутри подпарадигм ед. и мн. чисел у слов на - $\acute{a}$ происходит весьма медленно. Иногда наблюдаются и противостоящие этому принципу изменения в акцентуации. Возможным фактором изменения ударения изредка можно считать семантику слова. Важную роль играет частота его употребления. Однако, решающим фактором, очевидно, является встречаемость в речи не лексемы в целом, а той словоформы или тех словоформ, которые отличаются от исходной акцентуации в данном числе. Кроме того, определенное значение имеют и фонетические особенности слова. Любопытная комбинация этих факторов была обнаружена в формах мн. числа.

Примечания

- 1 Кстати, Любомиру Дюровичу вообще не понравилась предложенная мною в статье идея толковать случай типа стол + Ø, как имеющий подвижное ударение. Он писал (на шведском языке): "...но стоит, пожалуй, опубликовать статью, чтобы поднять дискуссию". Отклик и появился, в частности, в *Russian Linguistics* (см. Шапиро 1986, 198).
- 2 Поскольку в случаях, где происходит сдвиг ударения на основу в вин. падеже ед. числа, ударение всегда падает на основу и в им. падеже мн. числа, то противопоставления форм вин. падежа ед. и мн. чисел не возникает.
- 3 Как косвенные падежи можно было бы рассматривать также твор. и предл. падежи, поскольку в них ударение практически всегда падает на один и тот же слог (ср., однако: Мустайоки 1980б, 170). Формы род. падежа с нулевым окончанием можно обоснованно толковать так, что (условное) ударение на них падает на тот же слог, что и в других косвенных падежах мн. числа (ср. Мустайоки 1980а, 1981).
- 4 О том, как лингвист может ответить на вопрос "почему?", см. Мустайоки 1989б.
- 5 Все упомянутые нотации отличаются определенной логичностью. Это касается не всех существующих систем обозначений, ср. Мустайоки 1989а.
- 6 Статистические сведения о числе слов, входящих в те или иные разряды по типу ударения, можно найти в работе Pola & Mustajoki 1989 (т. наз. лексическая вероятность). Соответствующие данные с учетом частотности употребления слов приводятся в работе Мустайоки 1980б (т. наз. прогрессивная лексическая вероятность).
- 7 Как известно, первое издание словаря Ожегова вышло в свет в 1949 году. Вышедшее в 1953 году 3-е издание является повторением второго издания (1952). Таким же образом вышедшее в 1977 году 11-е издание повторяет 9-е переработанное Н.Ю. Шведовой издание 1972 года.

- 8 О принципиальном различии этих двух изданий см. Лефельд 1987, 617.
- 9 В 1987 появилось уже 6-е переработанное издание "Словаря трудностей" Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой. В нем не оказалось ни одного изменения в акцентовке рассматриваемых в этой статье слов.
- 10 Часть словарей и справочников отражают "официальную форму", а часть скорее "ограниченную норму" или "узус" (ср. Мустайоки 1988).
- 11 Подробный анализ разных семантических факторов, в том числе и конкретности, проводит А.А. Зализняк (в статье Зализняк 1977), но он рассматривает только односложные существительные мужского рода.
- 12 Стоит отметить, что переход этих слов в подпарадигму В свидетельствует о наличии других действующих факторов (частота употребления формы вин. падежа ед. числа и фонетические особенности слов).
- 13 О влиянии употребительности слова на акцентуацию говорит и следующее наблюдение (Воронцова 1979, 277): конечное ударение в форме борозду поддерживало в Ленинграде 50,5% информантов, а в северо-русских городах только 27,3%, в то время как в формах доску и реку предпочтительность конечного ударения была в Ленинграде меньше, чем в северо-русских городах.
- 14 Слов с колебанием ударения между типами ВВ и ВА или ВХ имеется больше (ср. Суханова 1989, 258-261).

С л о в а р и

- БАС 1950 = *Словарь русского литературного языка* в 17-и томах, Москва, 1950-1965.
- Гор. 1974 = *Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка*, ред. К.С. Горбачевич, Ленинград, 1974.
- Зал. 1977 = А.А. Зализняк, *Грамматический словарь русского языка: словоизменение*, Москва, 1977.

- МАС 1957 = *Словарь русского языка в четырех томах*, Москва, 1957-1961.
- МАС 1981 = *Словарь русского языка в четырех томах*, 2-е изд., глав. ред. А.П. Евгеньева, Москва, 1981-1984.
- Ож. 1953 = С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, 3-е изд., Москва, 1953.
- Ож. 1977 = С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, 11-е изд., под ред. Н.Ю. Шведовой, Москва, 1977.
- Орф. 1959 = *Русское литературное произношение и ударение*, под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова, Москва, 1959.
- Орф. 1983 = *Орфоэпический словарь русского языка*, сост. С.Н. Боренова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова, под ред. Р.И. Аванесова, Москва, 1983.
- Р-Т. 1976 = Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова, *Словарь трудностей русского языка*, Москва, 1976.
- СлУ 1967 = Ф.Л. Агеенко, М.В. Зарва, *Словарь ударений для работников радио и телевидения*, под ред. Д.Э. Розенталя, 2-е изд., Москва, 1984.
- СлУ 1984 = Ф.Л. Агеенко, М.В. Зарва, *Словарь ударений для работников радио и телевидения*, под ред. Д.Э. Розенталя, 5-е изд., Москва, 1984.
- Уш. 1935 = *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д.Н. Ушакова, Москва, 1935-1940.
- Шт. 1963 = Э.А. Штейнфельдт, *Частотный словарь современного русского литературного языка*, Таллин, 1963.

Прочая литература

- АГ 1980: *Русская грамматика*, главный ред. Н.Ю. Шведова, Москва.
- Воронцова, В.Л.: 1979, *Русское литературное ударение XVII-XX веков*, Москва.
- Воронцова, В.Л.: 1988, 'Функционально-стилистические особенности русского литературного ударения и их отражение в нормативных словарях', *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*, отв. ред. Ю.Н. Караулов, Москва, 28-31.
- Worth, D.S.: 1968, 'Grammatical function and Russian stress', *Language* 44, 784-791.

- Горбачевич, К.С.: 1978, *Вариантность слова и языковая норма*, Ленинград.
- Đurovič, L.: 1970, *Paradigmatika spisovneje ruštiny*, Bratislava.
- Зализняк, А.А.: 1967, *Русское именное словоизменение*, Москва.
- Зализняк, А.А.: 1977, 'Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода', *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики* (= Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ, вып. 8), Москва, 71-118.
- Polá, E. & Mustajoki, A.: 1989, *Report on Russian Morphology as it Appears in Zaliznyak's Grammatical Dictionary* (= *Slavica Helsingiensia* 7), Helsinki.
- Kiparsky, V.: 1962, *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache*, Heidelberg.
- Comrie, B. & Stone, G.: 1978, *The Russian Language since the Revolution*, Oxford.
- Лефелд, В.: 1987, 'Некоторые наблюдения над изменениями акцентной нормы современного русского языка', *Revue des Études slaves* LIX/3, 617-624.
- Мустайоки, А.: 1980а, 'К вопросу о понятии "условное ударение" и типы ударения русских существительных', *Вопросы языкознания* 2, 80-86.
- Мустайоки, А.: 1980б, *Типы ударения имен существительных и их минимизация в учебных целях* (= *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja* 26), Хельсинки.
- Мустайоки, А.: 1981, 'О русском ударении: сто́л + Ø/ или стол + Ø', *Russian Linguistics* 6, 103-119.
- Mustajoki, A.: 1981, 'Word frequency as an indicator of mobile stress', *Scando-Slavica*, 27, 199-211.

- Мустайоки, А.: 1988, 'О Предмете и цели лингвистических исследований', *Язык: система и функционирование*, отв. ред. Ю.Н. Караулов, Москва, 170-181.
- Мустайоки, А.: 1989а, 'Рецензия на: Joseph Schütz, Die Akzentregeln des Russischen', (выходит в журнале *Russian Linguistics*).
- Мустайоки, А.: 1989б, '"Признаки", "причины" и "объяснения", или разные подходы к истолкованию языковых фактов', (выходит в журнале *Russian Linguistics*).
- Neweklowsky, G.: 1980, 'Der russische Akzent: morphologische funktionen und Prädiktabilität beim Substantiv', *Wiener slawistischer Almanach* 6, 261-271.
- Невекловски, Г.: 1982, 'Тенденции развития подвижного ударения имени существительного в славянских языках', *Wiener slavistischer Jahrbuch* 28, 64-76.
- Nicholson, J.G.: 1968, *Russian Normative Stress Notation*, Montreal.
- Редькин, В.А.: 1971, *Акцентология современного русского литературного языка*, Москва.
- Суханова, М.С.: 1989, 'Класс имен существительных и его акцентологические характеристики', *Слово и грамматические законы языка: имя*, отв. ред. Н.Ю. Шведова, В.В. Лопатин, Москва, 206-275.
- Федянина, Н.А.: 1976, *Ударение в современном русском языке*, Москва.
- Хаззагеров, Т.Г.: 1973, 'Ударение как средство дифференциации грамматических форм', *Вопросы языкознания* 4, 98-108.
- Hingley, R.: 1952, 'The stress of Russian nouns in -а/-я under inflection', *The Slavonic and East European Review* 31, 186-203.
- Shapiro, M.: 1986, 'The Russian system of stress', *Russian Linguistics* 10, 183-204.